

Андрей Волков

ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР
ПРОШЛОГО

Как часто мы пытаемся уйти от своего прошлого, забыть и больше никогда не вспоминать? У каждого из нас есть свои скелеты в шкафу, которые мы вытягиваем только, когда остаемся один на один со своими мыслями. Время не лечит, время только притупляет старые чувства, которые могут вспыхнуть с новой силой, нужна только искра.

Главный герой долгое время пытается забыть былую любовь. Но как отказаться от появившейся возможности вновь увидеть любимую? Чтобы обрести себя, ему предстоит пережить немало утрат, со многим смириться и перестать сопротивляться встречному ветру прошлого...

Замечательный роман Андрея Волкова «Встречный ветер прошлого» напомним всем нам о нашем прошлом, которое не умирает, которое всегда с нами, куда бы мы не шли.

Андрей Волков

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР ПРОШЛОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

год 1991

1

Вершину высокой дымчатой горы покрывала шапка белого снега. На отлогих склонах снег лежал неровными пластами. Плоская оконечность горы представляла собой каменистое плато.

Двое мужчин стояли на самой возвышенности горы и молча, оглядывали окрестности. Апрельский день был холодный, ветреный, поэтому оба зябко ежились, подрагивали от холода, подняв воротники своих пальто.

Неподалеку от подножия горы темнело своими водами небольшое озерцо, еще недавно, должно быть, скованное студеным дыханием зимы и похожее на снежную равнину, а ныне освободившиеся от долгого ледяного рабства. На поверхности его зеленой, подернутой мелкой рябью воды, кое-где еще были видны темные, пропитанные влагой, готовые вот-вот растаять, пористые корки льда. За озерком простиралась равнина с дачными домиками и садами,

недостроенными коттеджами, опутанная линиями электропередач. В некоторых домах дымились трубы, и ветер доносил горьковатый печной дымок.

Двое молодых парней с мрачными лицами стояли на вершине горы и, морщась от холода, томились в ожидании. Оба работали планировщиками в проектно бюро частной строительной фирмы «Ранович и К». Их фирма занималась постройкой и оформлением офисов, магазинов, кафе, принимала заказы от частных состоятельных лиц. Здесь, на этой горе, у двоих сотрудников фирмы была назначена встреча с заказчиком, судя по всему, преуспевающей личностью, облюбовавшей эту возвышенность для постройки на ней своей загородной резиденции. Время шло, а клиент как капризная взбалмошная женщина запаздывал. Ледягин поежился, взглянул на часы и сплонул от злости. Он ненавидел свою работу и не очень-то ей дорожил; ему до чертиков надоели капризы и причуды богатых клиентов. Ледягин презирал свою клиентуру, а потому при заключении договоров и оформлении подрядов на строительство рвал по максимуму, стараясь выжать из клиента как можно больше денег, не от жадности, а за вредность работы, которую он не любил.

— Странный вкус у нашего клиента, — сказал его напарник. — Местечко вроде бы неплохое, но на таком отшибе...

— Что тут странного? Нелюдим, отшельник и сторонится людей.

— Все равно странно. Люди с деньгами нынче строят виллы в городской черте. А этот, глянь, куда забрался?

— Значит, нетипичный человек с деньгами. — Ледягин снова взглянул на часы. — Запаздывает.

— Вон катит, наверняка, он.

По извилистой дороге, вдоль леса и садов, направляясь в сторону горы, ехала черная машина с темными тонированными стеклами, издали похожая на джип. Двое молодых парней с вершины горы пристально наблюдали за ее перемещением. Сомнений не было, машина миновала сады и на приличной скорости, преодолевая ухабы и кочки, приближалась к горе.

— Так, джип у него для поганых дорог, а по городу наверняка ездит на мерседесе, — проворчал компаньон Ледягина.

— Не будь завистливым, Костя, не все люди воры.

Черный «Паджеро», изрядно заляпанный дорожной грязью, остановился у подножия горы. Из него вышел высокий седой сутулый мужчина в сером пальто и темных очках, водитель — молодой

здоровый парень в джинсах и кожаной куртке, последней лениво вылезла темноволосая девушка в длинном черном пальто и темных очках.

— Супершикарная машина, а вот и троица супершикарных кретинов, — ехидно заметил Костя. — Сливки общества. Брезгают смотреть на мир без темных очков. Держу пари, что они их перед нами не снимут.

— Вон тот, седой, наш клиент, — сказал Ледягин, наблюдая за высоким седым мужчиной, который медленно и как-то вальяжно стал подниматься в гору.

— А эта пташка, должно быть, его секретарша, — с ухмылкой произнес Костя.

— Секретарь-референт по мафиозным делам, — усмехнулся Ледягин. — Ну что, давай спустимся, поприветствуем дорогих гостей.

— Да уж, придется заискивать, унижаться, вытягивать каждый рубль.

— Унижаться предоставь мне. У меня это лучше получится.

Они спустились вниз по склону и остановились на ровной небольшой площадочке, поджидая гостей. Трое из джипа не спеша взбирались в гору, попутно оглядывая окрестности и что-то обсуждая.

— Добрый день, — сказал Ледягин, когда седой мужчина со своей малочисленной свитой

поднялся на горизонтальную горную террасу. — Меня зовут Сергей. А это мой помощник.

— Грачев, — представился Костя, кивнув головой.

— Добрый день, молодые люди, — с хрипотцой, растягивая слова, вежливо произнес седоволосый. Двое его спутников поздоровались невпопад, но весьма приветливо.

— Мы ваши планировщики, — внес окончательную ясность Ледагин, — в курсе вашего строительства. Так что, если какие вопросы — говорите.

— Как вы думаете, вот эти валуны на что-нибудь сгодятся? — спросил седой, рассеянно проведя рукой в воздухе. — Или эти глыбы придется скатывать?

— Можно скатить, — пожал плечами Сергей, — а если хотите, можно пустить на фундамент.

— Хочу ли я? — в раздумье произнес седой. — Да как вам сказать? — Он нахмурил лоб и стал водить взглядом, закрытым толстыми затемненными стеклами очков, по сторонам. Судя по линзам, очки были солнцезащитные и с диоптриями, а их хозяин близорук. На вид он выглядел лет на сорок пять. Седые волосы казались жесткими, как проволока. Настолько жесткими, что их не мог растрепать даже ветер. В выражении лица

так же было нечто жесткое, хищное, ястребиное. Быть может, причиной тому являлся его горбатый крючковатый нос, а тонкие бледные и бескровные губы говорили если не об алчности, то о твердости характера, упрямстве и непреклонности. Окружающую панораму местности, открывающуюся с горы, он оглядывал цепко, медленно как горный орел, словно хватал ее взглядом. Лишь приятные интонации его хриповатого голоса смягчали эти, в общем-то, грубоватые черты лица.

Его спутница, возможно, обладала отменной фигурой. Под длинным черным кашемировым пальто непросто было распознать округлости форм, изящество линий. Оставалось о них лишь только догадываться. Во всяком случае, девушка была стройна и высока ростом, узкие темные очки непроницаемо скрывали ее глаза. Свежая гладкая кожа лица, отсутствие дряблости и морщин свидетельствовали о том, что девушка еще молода. У нее был прямой аккуратный нос и пухлые губы. Лицо нежное, смуглое, словно она только что посетила солярий или недавно прибыла с теплых краев. Впрочем, иллюзия загара, возможно, создавалась слоем пудры или румян. В ее длинных распущенных пушистых темно-каштановых волосах от ветра творился полный беспорядок. Сергею понравилось в ней все кроме одного, что

при запланированной встрече с незнакомыми людьми в этом безлюдном горном местечке, она поленилась снять свои темные очки, тем более что солнца не было и в помине. Сергей находил это проявление невежественным, неуважительным. Если седой не снимал дымчатые очки по причине своего слабого зрения, то девица, скорее всего, из-за своего высокомерия и пробелов в воспитании. Впрочем, в темных очках она, возможно, находила себя более загадочной и привлекательной для окружающих, чем без них.

Третий молодой человек поражал взор своей мощной комплекцией. Могучего сложения, широкоплечий, с бычьим загривком он вполне мог сойти за профессионального охранника-быка: бездумного, натасканного, если б не его умные выразительные голубые глаза, которые сияли на открытом приветливом лице. Он скорее походил на Илью Муромца, чем на громилу. Впрочем, умный взгляд и приятная располагающая доверием внешность, возможно, были лишь маскировкой, скрывающей истинную бойцовскую сущность парня. Его седой шеф, между тем закончил осмотр местности и сквозь затемненные стекла очков поглядел на Сергея.

— Даже не знаю, — с сомнением сказал он. — Моя помощница облюбовала это местечко. — Он

недоверчиво покачал головой. — Смущает одно, уж слишком высоко. Вам не кажется?

Сергей бегло, вскользь поглядел на девушку, заметил, как она нервно покусывает губы, и заподозрил, что она и есть помощница и советчик седого.

— Место красивое. У вашей помощницы хороший вкус, — вправил он, не без доли лести и подхалимажа, глядя на орлиный профиль седого. Клиент-заказчик как-то неопределенно улыбнулся.

— Нет, правда, здесь красиво, а главное тихо, — добавил Сергей.

— Да это просто Швейцария! — воскликнул Костя. — Горный рай!

Седой брезгливо скривил губы, словно все кругом хотели его надуть, облапошить.

— Будь у меня возможности, я бы тоже построил себе дачу здесь, — заявил Костя.

— Охотно верю. — Седой посмотрел на Костю и странно улыбнулся, блеснув золотистыми вставными зубами. — А что, мне и вправду начинает здесь все больше нравиться, — добавил он после некоторой паузы, глядя на верхушки сосен. — Тихое местечко. В горах, подальше от людской суеты...

— Будете, как бог жить в своей обители, — вставил Костя.

Сергей метнул на него дерзкий взгляд, как бы говоря: прикуси язык.

Посмотрев в глаза Сергею, Костя пожал плечами и отвел глаза.

— Да, да, по соседству с птицами и снегами, — задумчиво произнес седой. — Однако к делу. — Его лицо приняло прежнее непроницаемое выражение. — Этот ваш руководитель, — он наморщил лоб, словно что-то припоминая, — кажется, Данович...

— Ранович, — подсказал Сергей.

— Да, да, Ранович. Он случайно не серб?

— Нет, — Сергей улыбнулся, — насколько мне известно, у него другая нация.

— Догадываюсь какая. Впрочем, это к делу не относится. Так вот, этот ваш Данович.

— Ранович, — снова поправил Сергей.

— Да, конечно, Ранович говорил, что вас что-то не устраивает в оплате заказа. Вас, то есть исполнителей. А он, начальник, ничего не может поделывать. Посоветовал мне договариваться с вами на месте. В вашей конторе всегда царит такой хаос? Или это образец нынешней демократии?

— Ну, почему? — Сергей развел руками и уселся на огромную зубчатую каменную глыбу. — Просто возникают вопросы, которые надо решать не в кабинете начальника, а непосредственно на площадке.

— Так что же вас не устраивает?

— Нас не устраивает сумма.

— И чем же она вас не устраивает?

— Та сумма, которую вы предложили Рановичу — недостаточна. Возникают разного рода издержки, всевозможные накладки.

— Это не моя проблема.

— Но и, согласитесь, не совсем наша. Вы платите с учетом сегодняшних цен, а строительство будет долгим. Неизвестно как цены на стройматериалы подскочат завтра. А ведь, наверняка, подскочат. Деньги обесцениваются с каждым днем. Мы не можем работать себе в убыток.

— Ну вот, началась нагорная проповедь, — поморщился седой.

— Почему проповедь?! — возмутился Сергей. — Это реальное положение дел.

— Ладно, сколько же вы хотите?

— Учитывая рельеф, горную местность, отдаленность, сложности доставки...

— Короче, сколько? — нетерпеливо спросил седой.

— К тем пятистам тысячам, что вы предложили, надо бы добавить процентов тридцать. Поверьте, я не для себя стараюсь.

— Это вы сами подсчитали?

— Да нет, сметчики.

— А не много ли? — На бледных бескровных губах седого мелькнула тонкая насмешливая улыбка.

— В самый раз, — невозмутимо ответил Сергей. Ему не понравилась ирония и интонация голоса седого заказчика.

— Дорого, молодой человек, дорого, — деловито заявил седой.

— Нужно сначала вызвать топографов, все хорошенько разметить, — проговорил Сергей, — а уж затем...

— Дорого, молодой человек, дорого, — оборвал его речь седой. — Я в состоянии заплатить и больше, но не намерен сорить деньгами. Мне они не так легко достаются.

— Как хотите. Дело ваше. — Сергей полез рукой в карман, достал сигарету, сунул ее себе в рот, щелкнул зажигалкой, прикурил. — Тем более что не проблема отыскать других подрядчиков.

— Мне рекомендовали вашу фирму как самую лучшую, — с нотками сожаления в голосе произнес седой. — Уверяли, что у вас самые классные специалисты. Специалисты, а не рвачи, — подытожил он.

Сергей равнодушно пожал плечами.

— Стало быть, вы настаиваете на своих процентах? — спросил седой.

— Да, — сказал Сергей и, затягиваясь табачным дымом, обвел взглядом остальных, обратив внимание, что все присутствующие внимательно прислушиваются к их разговору. На тонких бледных губах седого не отражалось ничего. Сквозь затемненные стекла очков он смотрел на Сергея. «Давай, фельдмаршал, принимай мои условия, — думал Сергей, — ну, ты же пресытился, ты уже ничего не хочешь. Тебе и жить-то лень».

— Эй, морской конек, — подал голос молодой бугай, — даю тебе ноль процентов и взимаю штрафные за твое хамство, если не скажешь «да». Считаю до трех. Раз. — Он смотрел на Сергея с иронической улыбкой, поблескивая своими лучезарными голубыми глазами, приветливое выражение которых могло сбить с толку кого угодно. Трудно было понять с ходу, шутит парень или угрожает всерьез. — Полтора, — сказал он, ухмыляясь.

Сергей затянулся сигаретой и сквозь клубы табачного дыма невозмутимо поглядел на парня. «Этот сопляк моложе меня лет на шесть».

— Два, — отсчитывал молодой богатырь. Было тихо, слышалось как плавно раскачивались от ветра и жалобно поскрипывали верхушки сосен. Не поворачивая головы, исподлобья, Сергей бросил взгляд на седого. На губах клиента застыла непонятная улыбка, не то сожаления, не то

разочарования. Сергей перевел ее так: дескать, вот видишь, к чему приводит твое упрямство. Он кинул взгляд на девушку. Та стояла, слегка подавшись вперед, полуоткрыв рот, словно истомившись за пятнадцать минут смертельной скуки, она, наконец-то, услышала и увидела нечто интересненькое, заслуживающие ее внимания. То, что Костя смотрит на него встревожено и с опаской, Сергей знал, и не глядя на него.

— Два с половиной, — угрожающе отсчитывал парень.

Сергей посмотрел в глаза парню. Холодный взгляд Сергея не отражал ни тревоги, ни страха. Быть может, это было показное спокойствие, умение владеть собой. За время своих тесных деловых контактов с представителями богатеющей элиты и их окружением, этих живущих на широкую ногу сливок общества, отдельные из которых считали себя чем-то особенной расой, ему приходилось сталкиваться с разного рода типами. Интеллигентными, щедрыми, культурными и не очень. Ранович, дороживший репутацией своей процветающей фирмы и клиентурой, доверявший Сергею, как-то говорил ему: «Ты не просто архитектор, ты мой представитель, доверенное лицо, дипломат, эмиссар. Будь любезен, предупредителен, но не слишком уступчив при сделках. Фирма не должна крикнуть». Сергей

усвоил уроки своего шефа. Не все всегда у него выходило гладко при заключении сделок, договоров, во время торгов. Случались разногласия, а пару раз на него откровенно «нажимали». Он разграничил, решил для себя реагировать лишь на оскорбления, но не отвечать на угрозы и обычное хамство.

— Три, — отсчитал молодой здоровяк и с ухмылкой поднял вверх указательный палец.

— Скажите ему, пусть он уймется. — Сергей исподлобья посмотрел на седого.

— Сами скажите, — буркнул седой с едва заметной тонкой улыбкой на губах.

У Сергея мелькнула мысль, что циничному седому клиенту это зрелище начинает доставлять удовольствие.

Громила, а теперь Сергеем было ясно, что он штатный громила, вразвалочку, несуетливо, с ухмылкой на губах стал приближаться к Сергеем. «Прет как танк», — подумал Сергей. Их отделяло уже метров пять.

— Дружище, — Сергей спокойно посмотрел в глаза надвигающему амбалу, и не подумав встать с камня, — если вы хозяин будущего особняка, то давайте с вами все обсуждать. — Его голос слегка дрогнул, но не от страха, а скорее от напряжения этой минуты. Вместе с тем он пустил шпильку в адрес седого, позволил себе хоть и скрытое, но

колкое и язвительное замечание относительно нерешительности шефа и того, что его секьюрити не считается с ним, сам правит бал. Где это видано?!

— Мне нечего с тобой обсуждать, — сказал голубоглазый. — Я не для того гнал сюда машину, чтобы выслушивать твою туфту.

— Хватит, Эдик, — раздался голос седого. — Сдай назад. Ты уже льешь через край. Здесь еще пока командую я.

Голубоглазый Эдик посмотрел на Сергея с какой-то нахально-виноватой улыбкой и сожалением, как бы говоря: «вот видишь, только ситуация стала интересной, и на тебе, такой облом». Взгляд Сергея оставался холодным, равнодушным и безучастным ко всему.

— Эдик, займись-ка делом. Иди, проверь двигатель, по-моему, он барахлит, — назидательно сказал седой. — И проверь подогрев сидений. Тоже ни черта не греют.

Эдик с плохо затаенной обидой скользнул взглядом по одежде Сергея, брезгливо поморщился, что-то прошипел сквозь зубы и, повернувшись, направился к джипу. Сергей смотрел, как его внушительная фигура удаляется вниз по склону горы.

— Ну что ж, — сказал седой, — если молодые люди просят некоторую надбавку за свои услуги, то

полагаю, надо ее дать. А уж они отработают сполна. Не так ли? — Он улыбнулся и поглядел на девушку.

Та утвердительно кивнула головой и улыбнулась в ответ.

— Пятнадцать процентов, — произнес седой, поглядев сквозь затемненные линзы на Сергея. — Пятнадцать, пятнадцать, — повторил он, словно отчеканил.

Сергей пожал плечами и кивнул головой, соглашаясь. Лучше пятнадцать, чем сорвать такой заказ. Стартовая цена Рановича при торгах была и вовсе десять процентов. «Значит, пять процентов я «нагрел» для фирмы», — подумал Сергей.

Седой вальяжно, неторопливо подошел к Сергею. Сергей привстал с камня.

— Вы меня извините за этот спектакль, — проговорил седой своим приятным хриловатым голосом. — Ситуация выходила из-под контроля. Отчасти, вы сами в этом виноваты... — Он медленно развел руками.

— Да пустяки. Я уже забыл. — Сергей достал сигарету из пачки и стал мять ее в пальцах.

— Вы много курите, — заметил седой. — Бросайте это дело. Слышите, бросайте, — добавил он, как показалось Сергею, с отеческой заботой.

— Не получается, — признался Сергей и грустно улыбнулся.

Они поглядывали друг на друга беглыми скользящими взглядами, проникаясь взаимным расположением и смущаясь один другого. Седой смотрел сквозь дымчатые очки, Сергей открытыми ничем не замаскированными глазами. Оба отводили взгляды и смотрели то на девушку, которая оживленно беседовала с Костей, то на Эдика, с недовольным видом возившегося возле поднятого капота машины.

— Стоит, надулся, — сказал седой, взирая на Эдика. — Дуется, между прочим, на нас обоих. — Он повернул к Сергею улыбающееся лицо.

— Уж не прикажите ли вы мне извиниться перед... Эдиком, кажется, так его зовут?

— Вы хотели сказать: «перед вашим холуем».

— Ничего я не хотел.

— Вижу, что хотели.

— Да хоть бы и так.

— Что вы еще умеете делать?

— В смысле?

— В смысле, кроме как спорить с клиентами и презирать холуев?

— В смысле?

— В смысле работы.

— Могу быть никем или кем угодно.

— Простите, не понял.

— Моя бабушка в молодости была горничной.

Когда она подыскивала работу, то давала

объявления: «могу быть горничной или вообще кем угодно». А я наоборот: никем или кем угодно.

— Горная местность, удивительным образом, располагает ко всякого рода измышлениям, — заметил седой и обвел взглядом окрестности. — Жаль, что не смогу побыть здесь в ближайшее время. Насладиться чистым воздухом и тишиной. Зато у вас, я полагаю, этого будет в достатке?

— Насчет тишины сомневаюсь. Пригонят миксер, трактор. Шум, гам, грохот...

— Да, да. А ваш компаньон не промах, — седой поглядел на Костю и девушку, которые спускались с вершины горы. Костя подавал девушке руку, поддерживая ее на крутых, загроможденных камнями уступах. — Разговорил мою сотрудницу. Она сегодня с утра не в духе. Не выспалась, на всех шипит. А с вашим дружкой любезничает.

— Он у меня общительный.

— Да, да, и осмотрительный. Не лезет на рожон как вы. — Он обратил к Сергею лицо и приветливо улыбнулся. — Ну, всего доброго. Руки не подам. Эдика это доконает, а мне с ним еще вместе работать.

— Вам всего доброго, до свиданья.

Седой неторопливо направился вниз к джипу. Отойдя на несколько шагов, он остановился, будто что-то забыл, повернул голову.

— Да, одно наблюдение, — сказал он, — не тот зверь страшен, что свирепо рычит, а тот, что неподвижен. — Кончиками пальцев он постучал себя по лбу. — Ей богу, не знаю, зачем я вам это говорю... — Он продолжил спуск к подножию горы.

Сергей смотрел ему вслед, наблюдая, как он своей вальяжной походкой переступает через каменные россыпи, огибает мощные глыбы, спускаясь вниз. «Наблюдатель, — подумал Сергей, — любитель ассоциаций, знаток зверинца». Сергей поморщился. Ему не понравился «прощальный поклон» седого. Он снова уселся на краешек гранитной глыбы, продолжая мять в пальцах сигарету. Костя стоял от него метрах в десяти, оглядывал гору и что-то сосредоточенно набрасывал карандашом в блокноте. Девушка спускалась вниз по склону. Она робко, осторожно и как-то кокетливо перешагивала через каменные осыпи, опасаясь споткнуться. В ее движениях была некоторая напряженность, на губах играла смущенная улыбка. Девушка чувствовала на себе пристальный взгляд Сергея.

— Здравствуйте, еще раз, — сказала она приятным чуть-чуть хриловатым голосом, останавливаясь вблизи Сергея.

— Здравствуйте, — произнес Сергей.

— Стало быть, вы и есть лучшие архитекторы в городе? — с улыбкой спросила девушка.

— Точно, лучше нас не сыщешь, — улыбнулся Сергей.

— С вашим другом я уже познакомилась. Теперь хочу познакомиться с вами.

— Буду очень рад. — Сергей привстал с камня.

Словно оценив этот жест по достоинству, девушка в ответ сняла свои темные очки. Взору Сергея открылись большие темно-карие глаза, смотревшие на него из-под пушистых, иссиня-черных ресниц. Ее крылатые дуги бровей были густо подведены черным карандашом, а под бровями лежали умело нанесенные фиолетовые тени. Эта комбинация черного и фиолетового тонов делала ее глаза удивительно длинными и притягательными и вместе с тем лишенными нежности и теплоты, полными опасного таинственного очарования. На крашенных перламутровой помадой губах девушки играла насмешливая улыбка. Видя, что Сергей пристально смотрит в ее глаза, долго скрытые под темными очками, девушка непринужденно улыбнулась, точнее, преподнесла Сергею свою улыбку, показав верхний ряд ровных и безупречных зубов.

— Меня зовут Катя, — сказала девушка, пряча улыбку.

— Очень приятно, Сергей.

— Значит, вы будете возводить это... — Она окинула взглядом местность и широко развела руками, словно хотела заключить в объятия огромное пространство.

— Этот замок, — подсказал Сергей.

— Точно, замок, — согласилась девушка.

— Мы.

— Будем иногда видеться. Артем предложил мне курировать эту стройку. Я с радостью согласилась.

— Вам? — удивленно спросил Сергей.

— Мне, — улыбнулась девушка.

«Похоже, строительство будет долгим», — с горечью подумал Сергей.

— А Артем, это кто? — спросил он.

— Как?! Вы же только что с ним беседовали.

Он что, не назвался по имени?

— Нет.

— Странно.

— Может быть, забыл, или не посчитал нужным.

— Да нет, на него это не похоже.

Девушка была в каком-то замешательстве. Казалось, ей стало неудобно за своего шефа. Сергей это почувствовал.

— Значит, говорите, будете курировать стройку?

— Буду. А вы что-то имеете против?

— Нет, что вы. Буду только рад такой начальнице.

Девушка улыбнулась.

— Извините, а вы что-нибудь смыслите в строительстве? — как можно более мягко и проникновенно спросил он.

— Ничего не смыслю. — Она покачала головой.

— Как же вы будете курировать?

— А никак. Просто буду приезжать, и смотреть, кипит работа или простаивает. К тому же мне здесь нравится.

— А-а, понимаю.

— Знаете, а я рада, что вы поладили с Артемом. Это не каждому удается.

— Вот как?

— Да. Вы ему чем-то понравились.

— Правда?

— Правда. Иначе бы он не стал заключать с вами этот договор.

— Что ж, ваш шеф просто добрый Гарун-аль-Рашид.

— Кто, кто?

— Халиф такой был в Багдаде.

— В таком случае, кто же такая я? — Девушка с улыбкой и ожиданием смотрела на Сергея.

— А вы просто добрая фея.

— Я уже заметила, что вы можете быть и любезны и несговорчивы...

— Когда это я был несговорчив?

Раздался протяжный звуковой сигнал автомобиля. Девушку поторапливали.

— Ну, пока, проектанты, — громко сказала она и поглядела на Костю, который стоял неподалеку и по-прежнему что-то набрасывал карандашом в блокноте. Костя поднял голову и улыбнулся девушке. — До встречи. — Она снова перевела взгляд на Сергея. — Не вздумайте опаздывать на объект. Шкуру сдеру. — Она улыбнулась еще раз напоследок и бодрым шагом направилась вниз к подножию горы, где ее поджидала машина. Сергей смотрел ей вслед. К нему подошел Костя. На его добродушном лице играла довольная улыбка.

— Ну, как тебе это чудовище? — спросил он.

— Занятная девка. Я бы с такой не отказался провести уик-энд...

— А остальные?

— Славная компания.

— Что, и этот бычара?

— А что, приятный парень. Ты не знаешь, с какими жлобами нам приходилось иметь дело. Этот Эдик просто ангел в сравнении с ними.

— Ангел, только что не летает. Лихо ему седой подсек крылышки.

— Да уж, спас меня от трепки.

— Ну что, пора домой? — Костя поглядел на часы.

— Да надо бы, еще до электрички переть.

— Я бы не прочь отметить сделку.

— Давай отметим. Думаю, по пути нам попадетсЯ какой-нибудь сельмаг.

В вагоне пригородной электрички они сидели молча. Костя дремал. Сергей неотрывно смотрел в окно, за которым мелькали столбы и сплошной березовый лес. От встречи на объекте у него остался неприятный осадок. Он думал о том, что ему уже двадцать восемь, что многое в жизни упущено, и что ему вряд ли когда-нибудь удастся сделать карьеру ни в этом проектноМ бюро, ни в каком другом. Что пройдет еще лет пять, а он все так же будет мотаться по окраинам, по пригородам, заключать соглашения, торговаться с заказчиками. Но на смену одних артемов и эдиков придут другие, еще более наглые, молодые, хищные в своих стремлениях, ненасытные в приобретениях. А он останется прежним, таким, какой есть, и когда ему перевалит за тридцать, он с прискорбием обнаружит, что время станет его злейшим врагом. Время станет врагом, а жизнь может показаться пустой, бессмысленной, а главное и самое огорчительное — длинной, и ему придется лишь

коротать свои дни до смерти. Он подумал о том, что ни деньги, ни высокий чин, будь у него и то и другое, вряд ли бы его спасли от безысходного отчаяния, которое порой его охватывало, не смогли бы наполнить его жизнь смыслом и содержанием. Впрочем, подумал он, деньги наверное для того и служат, чтобы с их помощью забывать о всяком смысле существования, лишь бы не приходиться в «сознание».

Когда-то после института он был молодым, подающим надежды, честолюбивым архитектором, в своих мечтах устремленный в будущее, в завтрашний день. Он верил, что рано или поздно создаст нечто свое, на века, что принесет ему успех и деньги, будь это здание какого-нибудь респектабельного отеля, стадиона или торгового центра. Время шло, а он завяз в повседневной рутинной работе, выполняя более чем скромные заказы, оформляя кондитерские, бани, кафе, фасады домов. Однажды он решил взбунтоваться против своего удела, круто изменить свою судьбу, поймать птицу удачи за хвост. Прочитав газетную заметку о том, что в городе объявлен конкурс на лучший архитектурный проект года — сооружение высотной фешенебельной гостиницы для иностранцев, он решил попытаться счастья. В приемной комиссии Сергей узнал требования, предъявляемые к будущему гранд-отелю, взял в

своей фирме отпуск, проникся замыслом, засел за работу. Днями и ночами он набрасывал эскизы, расчерчивал листы ватмана. Он не знал, есть ли у него талант зодчего, да и это было для него не столь важно. Он что-то не припоминал, чтобы его духовные наставники Ницше, Ибсен, Штирнер хоть раз, хоть где-нибудь упоминали слово талант. Воля — да. Сила — да. Хотение — сколько угодно. А талант — нет. Оно отсутствовало как никчемное в их богатейших лексиконах. Туманное, зыбкое слово — талант, Ледягин заменил для себя понятием Воля. Ночи напролет, расчерчивая картон с верой в свою скорую победу, он считал себя даже не архитектором, а воином, бойцом. Его поле битвы был чертежный стол. Его оружие — карандаш, листы ватмана, его мысль, его фантазия, его воля. Его союзники — тихая безмятежная ночь и звездное небо за окном. Его резервы — крепкий кофе, сигареты, водка и еще что-нибудь взбадривающие, прогонявшее усталость и сомнения. Его тылы? Вот тыла-то надежного у него никогда не было. Нехватка денег, их добывание, нужда и забота о хлебе насущном не давали ему возможности целиком отдаться любимому занятию — сотворению серьезных архитектурных вещей. К чему, во всяком случае, он стремился. Как бы там ни было, тогда, за месяц затворничества и упорного кропотливого труда он закончил проект гостиницы.

Своему творению и потенциальному детищу он дал рабочее название «Ева». Имячко вполне европейское и вполне подходящее, чтобы назвать им отель для заезжих иностранных туристов. Когда-то он пережил бурный роман с одной особой, нареченной этим древним библейским именем, закончившийся для Сергея весьма грустно. Девушка попросту собрала шмотки и, оставив прискорбную прощальную записку на комод, когда Сергея не было дома, ушла от него. Сергей недолго горевал, а потом не то в насмешку, не то в память о Еве решил назвать ее чудным именем проект своей вполне возможной в будущем гостиницы. Он не хотел, чтобы его воспоминания о Еве увяли, поникли, он решил воскресить их и воплотить сначала на листах ватмана, а в дальнейшем, бог даст, запечатлеть, увековечить в стекле, мраморе и бетоне. К тому же его бывшая любовница имела некоторое отдаленное сходство с небоскребом, который представлял в своем воображении и проектировал Сергей. Гибкая и изворотливая в постели, Ева была высокой, стройной сногшибательной стюардессой, в юности занимавшейся баскетболом. Набрасывая контур высотного здания, вспоминая Еву, он видел композицию окон и витражей, цветовую гамму балконов и террас фасада здания в форме гигантской женской фигуры, возвышающейся над хаосом улиц, поражающей взор своей леденящей,

отсвечивающей наготой в дневное время, страстной, пылающей огнями, в вечернее. Работая над этим проектом, он как бы заново пережил свой оборвавшийся роман с Евой. От власти одного образа, постепенно рассеивающего в его воображении, он переходил во власть другого, выдуманного, облаченного в конкретные формы на листах бумаги. Он, автор проекта, любил свою созданную Еву какой-то «пигмалионовской» любовью. Ева, рожденная его воображением, стала для него словно живая, реально существующая. Закончив работу над проектом, он отправил ее на испытание в приемную комиссию по строительству гранд-отеля. Месяц спустя, после долгого томительного ожидания, почтальон принес ему огромный пакет, в котором создателю вернули его «Еву», не нашедшую приют, с сопровождающими отказ трогательными проникновенными словами сочувствия и сожаления. Эти проявления соболезнования Сергей находил изощреннейшим цинизмом. Он порвал эпитафию в клочья. Сергей с грустью смотрел на свое отверженное творение. У него было такое чувство, будто его «Еву», такую живую и неповторимую, похабно изнасиловали члены конкурсного жюри, цинично надругались и вернули, как ни в чем не бывало. Сергею пришла в голову безумная мысль искупать «Еву» (48 расчерченных листов ватмана) в ванной, дабы

отмыть от мерзких рук членов комиссии, к ней прикасавшихся. Остаток того дня он в ярости, неугомонно метался по квартире, не желая мириться с поражением. Наметавшись вдоволь, он повалился на диван, понимая, что эту схватку с жизнью он проиграл и тут уже ничего не поделаешь. После этого фиаско он надолго утратил веру в себя, а когда обрел ее вновь, то было уже поздно. Его созидательный пыл остыл, жажда свершений иссякла, а честолюбие ушло в отставку. С той поры он уже не был устремлен в «завтра», а жил одним сегодняшним днем.

Электропоезд с ревом ворвался в темный, тоннель. Костя открыл глаза, но сообразив в чем дело, снова сомкнул их, погрузившись в дремоту. Сергей неотрывно смотрел сквозь стекло в непроницаемую тьму тоннеля. Сейчас, два года спустя, он с ностальгической тоской вспоминал тот безумный фантастический месяц его творческой страсти. Он знал, что теперь у него уже не хватит ни дерзновения, ни отваги, ни безрассудства, ни даже отчаяния на подобный повторный порыв.

Поезд вырвался из мрака тоннеля и мчался среди просторных, скошенных полей. На неубранных прошлогодних стогах сена сидели грачи. Вдали, поближе к лесу, теснились скопления дачных домиков. Оцинкованная крыша одного из

них, тускло блестела в неярких лучах апрельского солнца.

Чтобы унять одолевавшую его тоску по прошлому и несбывшейся мечте, Сергей стал думать о житейском, будничном, малоприятном, что всегда вытравливало в нем творческие порывы, «приземляло» его. Он отвел взгляд от окна и поглядел на часы. Половина четвертого. «Надо бы забежать в магазин, купить рыбы коту». Кот был единственным живым существом, которое проживало у Сергея и ждало его. Он представил, как кот встретит его у порога, будет урчать, мяукать, тереться возле его ног, проситься на руки. Сергей улыбнулся. Мысли о коте его успокоили, прогнали меланхолию, вернули прежнее бодрое настроение.

2

Артем Борисович Штайнер в восьмидесятые годы удачливый «цеховик» и «теневик», а в начале девяностых видный представитель «белой» мафии, солидный бизнесмен, президент торговой компании «Кассандра», весьма процветающей, торговавшей от бижутерии до бензина, жил хоть и роскошно, но как на вулкане. В феврале девяносто первого он получил контракт на бензозаправочные станции города. Артем Борисович уже потирал руки,

предвкушая барыши от этой золотиносной жилы. Но не тут-то было. На него «наехали» местные информированные «корлеоне», решив поумерить его аппетит. Штайнеру предложили поделиться — он повел себя скупо. Ему пригрозили — он нанял четырех охранников. У него угнали машину — он погоревал и заявил куда следует. Наконец, на него «наехали» в жестком варианте. Штайнера подкараулили и среди бела дня ударили прутом по голове. К счастью обошлось без трепанации черепа и тяжелых последствий. На больничной койке Артем Борисович отлежался, пришел в себя, поумнел, стал рассудительней и сговорчивей. Он отстегнул «оголтелым» пару АЗС в престижном районе города под смехотворным предлогом нерентабельности, а взамен ему вернули машину, его взяли под «крышу», он заручился поддержкой влиятельных мира сего. А главное, его оставили в покое. Раздумывая над превратностями судьбы, Штайнер считал, что ему еще крупно повезло. Он оставался доволен жизнью, да и жить умел красиво.

Ограда пригородного дома Артема была отделана молочно-белым декоративным камнем и своей невинностью и белизной приятно выделялась на фоне соседских построек выложенных красным кирпичом. На территории дома раскинулся сад с теплицами и беседкой-перголой, увитой в летнее время обильной зеленью. Асфальтированная

дорожка вела к двухэтажному каменному дому, фасад которого явно не был лишен определенных изысков. В декоре нижнего этажа все так и дышало рафинированной устарелой эlegantностью прежних веков. Внушительные белые колонны поддерживали фронтон здания, а огромная стеклянная входная дверь напоминала арочный свод. Все это свидетельствовало о том, что хозяин особняка не лишен вкуса и любитель старины. Добрую половину первого этажа занимал просторный холл. Винтовая деревянная лестница с балюстрадой вела из холла на второй уровень, где располагалась спальня, кабинет и круговая терраса. Наиболее шикарным местечком в доме была спальня. Ее интерьер хозяин дома присмотрел в одном из зарубежных люксов и почти в точности воспроизвел у себя на вилле. Одна кровать чего стоила! Эта кровать из массива латуни огромных габаритов, застеленная постельным бельем из египетского хлопка, не кровать, а трон, словно была предназначена для тонких ценителей сновидческих изысков и ночных оргий. Предпочтение все же отдавалось оргиям. Об этом свидетельствовал красно-желтый цвет спальни. Слегка возбуждающий, с некоторым согревающим эффектом. Огромное дугообразное окно с видом на сад шло от самого пола и напоминало гигантский иллюминатор. Мысли о корабле и подводной фауне

наводил и громадный трехтонный аквариум с морской водой, экзотичными водорослями, живыми кораллами, актиниями, морскими ежами, звездами и двумя чудовищами — метровыми черноморскими катранами. Близкое присутствие этих свирепых существ, питавшихся исключительно сырым мясом, повышало адреналин в крови Артема, вгоняло в трепет гостей спальни и щекотало их нервишки. Пару лет назад, Артем Борисович выстроил этот роскошный дворец. Первое время в нем хозяйничала его теща, женщина простецкая, приехавшая из сельской местности. Она разводила на даче курочек, кроликов и даже нутрий, превратив усадьбу в настоящий зверинец. Зять до поры до времени терпел ее провинциальные выходки, но однажды не выдержал и прикрыл зоопарк. А тещу попросил убраться с усадьбы. На то были и другие причины, более деликатные. Артем, вполне порядочный семьянин, верный муж, заботливый отец, сорвался со всех тормозов, решил наверстать упущенное, предаваясь утехам, протащил через свою широкую постель череду женщин, устраивал сущий Содом, мстя своей стареющей сварливой жене за долгую ей верность, подобную отречению и опостылевшему долгу. Ставший необузданным стареющий развратник брал реванш у жизни за свою бесцветную, протекшую в заботе о близких, непогрешимую

молодость. Имя каждой особы, побывавшей в его постели по легкомыслию, по глупости, за деньги или, что почти не бывало — по любви, он заносил в блокнот, пополняя свой внушительный «список Шиндлера» любовных побед, чтобы на склоне лет, а быть может на смертном одре, листая блокнот, — вспомнить все, распустить нюни сентиментальности, предаваясь сладчайшим воспоминаниям о не напрасно прожитых годах. Постепенно, однако ж, он угомонился, пресытился, почувствовал стыд, близкий к раскаянию, да и распутство убивает удовольствие. Не то чтобы старевший кобель стал праведным, но теперь жизнь вел уже куда более умеренную: заботясь о семье, в достатке ее, держа и пылая искренними страстными чувствами к любовнице. Эта красотка, ворвавшаяся в его жизнь, обладала южным темпераментом и в постели устраивала бурю страстей. Словом, жизнь бурлила, плоть играла, под кожей пылал жар, и все вокруг плыло, кружилось, уносилось в момент соития двух тел.

Пытаясь разобраться в своих чувствах, Артем не мог понять, то ли он впервые в жизни познал настоящую любовь, пусть и запоздавшую, то ли реанимировал подобное, давно забытое чувство двадцатипятилетней давности. Как бы там ни было, Артем чувствовал себя счастливым, насколько счастливым может быть мужчина содержащий

жену и любовницу, баловень судьбы, герой-любовник, Дон Жуан, объект зависти других мужчин, изворотливый, изощрённый, изолгавшийся конспиратор, умеющий тайком срывать удовольствия, измученный двуличностью, а в сущности — жалкий. Артему нравилось в своей подруге то, что она вела себя не в пример прежним любовницам. Не чувствовала себя ущемленной и обиженной от пребывания на вторых ролях, не хныкала, что ее с кем-то делят, не требовала от него бросить жену и сойтись с ней, а лишь колко надсмехалась над его затруднительным, в некотором смысле, семейном положением. Девушка была дерзка, кокетлива как демон, заносчива, вспыльчива и порой непочтительна к Артему. Тем она возможно и стала ему желанней.

Артем лежал на своей роскошной кровати, прикрывшись простыней, и следил взглядом за девушкой, дамой его сердца и помощницей, секретарем-делопроизводителем его торговой компании, которая в данный момент лениво раздевалась, снимая с себя остатки своего белоснежного кружевного белья. Он похотливо глядел на ее гладкое загорелое ухоженное тело, испытывая какую-то противоречивую терзающую его смесь чувств: приятное волнующее возбуждение; легкий мандраж от ее ослепительной

головокружительной наготы; томление по ее телу; сожаление, что он старше ее на двадцать с лишним лет; и дикое желание ее придушить. К этим чувствам примешивалось еще одно — грусть. Законная жена Артема знала о похождениях муженька «налево», долго, мучительно терпела и недавно заявила: «выбирай: или — или». С чуткостью понимающей женщины, хранительницы семейного очага, она дала неверному супругу срок — одну неделю, для принятия окончательного решения. Неделя подходила к концу, отсрочка истекала. Артем грустил. В глубине души он понимал, что сделает сентиментальный выбор в пользу семьи, оставит девушку. Пытаясь прогнать мучительную тоску, навеянную этой невеселой мыслью, он решил завести себя, разозлить, стал думать о девушке плохо, преувеличивая все ее недостатки, чтобы хоть как-то оправдать свой предстоящий выбор. «Моя дочь моложе ее, — думал он, — мается от лишнего веса. Ходит на аэробику, сидит на диетах, лакает какие-то таблетки от похудания. И при моих-то средствах я не могу купить ей идеальную фигуру! А у этой сучки тело хоть куда. Гладкое как бумага, упругое как резина и никакие диеты ей не нужны. Жрет все подряд. Куда в нее только влазит? Вдобавок такую стерву еще поискать». Ему вспомнилась ее привычка часами разгуливать по его дому голой, таская телефонный

аппарат, трепаться по нему, не обращая внимания на домработницу, не стыдясь охранника, а может даже нарочно, чтобы подразнить его, да к тому же еще умудряться ему делать замечания. «Нет, другой такой уникальной стервы не сыщешь», — думал Артем, восторженно, с лихорадочным блеском в глазах, глядя на нагую девушку, которая, стоя перед зеркалом, лениво поправляла волосы, словно нарочно дразнила любовника, оттягивала желанные минуты блаженства, испытывала его терпение.

— Когда я увидел тебя впервые, в этом вонючем борделе, — сказал он, исходя приятной истомой, — ты была в черном котелке, сапогах и с хлыстом. Ты работала стриптиз и изображала на сцене не то амазонку, не то укротительницу...

Стоя спиной к любовнику, взглянув на его отражение в зеркале, она рассмеялась.

— Ты меня с кем-то путаешь, котик, я никогда не была стриптизершей, я танцевала в кордебалете.

— Ну да, вечно я путаю эти ваши бордельные штучки.

— Ах ты, старый путаник. — Она повернулась и с улыбкой поглядела на Артема. — На старт, внимание, марш! — С ревом и рычанием она бросилась на кровать, сорвала простынь и уселась ему на живот. Артем, глядя на нее маслянистыми глазами, стал ласково поглаживать ее колени и бедра.

— Достань фотографию своего семейства, — попросила она.

— Зачем?

— Достань, я сказала. Протяни руку. Что, трудно?

— Зачем?

— Это меня возбуждает. Обожаю, когда они на меня смотрят, будто присутствуют.

— Вот стервоза.

— Еще какая. — Она перегнулась через кровать, потянулась рукой к тумбочке, открыла ее, достала фото и поставила его на журнальный столик.

На снимке была запечатлена семейная идиллия. Артем — счастливый глава семейства в окружении жены, дочери, сына, невестки и маленькой внучки, которую он держал на руках.

— Вот так, пусть подглядывают, — хихикнув, сказала девушка.

— Дрянь.

Девушка уселась в позу наездницы и, запрокинув назад голову, стала энергично двигать корпусом, пытаясь словить на Артеме кайф. Далеко не юный партнер подмахивал ей как мог, экономно соизмеряя свои движения (в его возрасте это было не лишним), и неустанно гладил живот и бедра девушки.

— Твой живот — это просто дьявольское искушение, — сказал он в порыве сладострастия.

Она пронзительно захохотала.

— Ты выражаешься как священник.

— Тьфу ты черт, будь я поэтом, сказал бы лучше...

— Ну, все, пора завязывать. Ты устал.

— Это с чего, вдруг?

— Когда ты устаешь, всегда становишься поэтом.

— Ничего подобного. Я не устал.

— Ах, ты, мой старый павиан. — Она потянулась вперед и поцеловала его в губы, затем приняла прежнюю позу и поглядела на фото. — Сын у тебя ничего, хорошенький. А твоя жена такая сердитая, важная вся из себя, прямо — гусыня.

— Не твое собачье дело.

— Как это ни мое! Она меня при всех твоих подчиненных обозвала затасканной шалавой.

— А ты и есть шалава.

Она приостановила свои движения, повелительно и строго поглядела на Артема.

— А ну скажи, что твоя жена в постели мизинца моего не стоит. М-м?

— Сейчас получишь пощечину. Говорю на полном серьезе.

— Ну, ударь меня, ударь. — Она подставила ему щеку. — ... А-а, не можешь.

— Ты дождешься, Кэт, я тебя когда-нибудь братве отдам на поругание.

— Ха-ха, напугал. Да я, быть может, тебе потом за это спасибо скажу.

— Вот оторва!

— Спокойно, котик, не напрягайся так. Соблюдай ритм. — Она ласково погладила его по волосатой, начинающей сесть груди. — Ты мне запустил воду в бассейн?

— Запустил.

— Она теплая?

— Горничная должна подогреть.

— Терпеть не могу твою горничную. Уволь ее. Она меня ненавидит.

— Тебя все ненавидят кроме меня. Пора бы уже это уяснить.

— А вот тут ты ошибаешься, котик.

Артем простонал, откинул голову на подушку и расслабленно закрыл глаза.

— Ну, все, слазь, — кряхтя, сказал он в изнеможении.

Девушка поморщилась, с досадой посмотрела на него, потом лениво, нехотя слезла с кровати, уселась в кресло и закурила сигарету.

Открыв глаза, он наблюдал, как она с кислым видом курит, выпуская изо рта клубы дыма, небрежно стряхивая пепел мимо вазы. «Зараза, осталась недовольной», — подумал он.

— Я скоро уезжаю, — проговорил Артем.

— Надолго?

— Недели на две.

— Далеко?

— В Израиль.

— Ого. Меня с собой не возьмешь на землю обетованную?

— Хватит, один раз брал. У тебя еще тот загар не смылся.

— Я тебе буду помеха?

— Не то чтобы... Просто, я еду с делегацией.

— Сколько ты стран объездил, Артем?

— Пятнадцать или около того.

— Много.

— Для кого как.

— Когда умрешь, на том свете будешь клуб кинопутешествий вести. Соседей по кладбищу просвещать. Они бедные, должно быть, при жизни столько не объездили.

Он привскочил с подушки, прищурено и строго посмотрел ей в глаза.

— Шутка, — сказала она. — Извини, я пошутила. Я же дура.

— Я знаю. — Он снова положил голову на полушку.

— И на кого ты оставляешь фирму в свое отсутствие?

— Во всяком случае, не на тебя.

— Что ж, тебе видней. — Она усмехнулась. — А знаешь, что этот придурок, с первого этажа, начал за мной ухлестывать? Гляди, отобьет у тебя... — Она хихикнула, лукаво поглядев на Артема.

— Дело молодое.

— Однако ж, ты меня поражаешь.

— Не могу же я тебя привязать к себе навечно.

Ей захотелось швырнуть в него хрустальной вазой. Обуздывая свой гневный порыв, она смяла о край вазы тлеющую сигарету и потянулась рукой к следующей. — Не накурилась, — сказала она.

«Момент подходящий, — думал Артем. — Ну же, решайся», — подстегивал он себя.

— Ты что, сплавляешь меня? — Она с вызовом и плохо затаенной обидой смотрела ему в глаза.

— Не будь глупой, Кэт. Пойми... у нас с тобой нет будущего. Мы обречены, — с раздражением, прикрывая им свое волнение, произнес он.

Она рассеянно и подавленно смотрела на кончик своей дымящейся сигареты, в черной траурной рамке двойного угольного фильтра, на сизый вьющийся дымок и чувствовала, как оцепенение холодными волнами пробегает по ее телу, студит кровь. Кэт понимала, что рано или

поздно им с Артемом придется причалить к разным берегам, и мысленно была готова к подобной развязке. «Но почему здесь, сейчас, в спальне?» — недоумевала она. Ее воображению уже давно рисовалась мрачная и романтическая картина, что этот разрыв должен был произойти где-нибудь в пустом безлюдном сквере с непременными сопутствующими символами для подобных закатов: огневой лавиной осенней листвы, осунувшимися деревьями, жалобным завыванием ветерка или накрапывающим морозящим дождиком. «Почему в спальне? Как глупо...» — гадала она, не в состоянии сосредоточиться на чем-то другом, более уместном, словно соблюдение приличий предшествующих прощанию было для нее важнее, значимей самого прощания. К ее теперешнему опустошению добавлялся стыд за ту сцену, которую она разыграла с семейным фото, и еще за то, что выслушала все это, находясь нагишом. Отняв взгляд от догорающей сигареты, она с усилием воли подняла на Артема затуманенные глаза.

— Мы расстаемся, Артем? — еле слышно спросила она.

Он ласково, с нежностью и грустью посмотрел на нее и закрыл глаза. Кэт поднесла к губам сигарету, затянулась, придерживая ее трепещущими пальцами.

— Можно попробовать взять отсрочку, продлить, — с волнением проговорил он, заморгал глазами, отвел их, словно устрасился своего предыдущего молчаливого приговора, заглянул в бездну грядущего, от которого повеяло холодным мраком унылой обыденности и пустоты. Артем нервно поежился и снова посмотрел ей в глаза: тоскливо и вопросительно, с ожиданием и намеком как заговорщик на сообщника, и, не выдержав ее пристальный затуманенный взор, отвел глаза, проклиная себя за свою нерешительность, половинчатость, склонность к компромиссу, за нежелание ее терять.

— Действительно, почему бы и нет, — она вымученно, но ласково улыбнулась ему, словно хотела его подбодрить. — Пойду, искупнусь. — Кэт резко встала и пошла к дверям.

Купаться ей расхотелось. Плавать в бассейне в эти минуты ей казалось чем-то противоестественным и ненормальным. Она отправилась в душ. Теплые струи воды приятно ласкали ее тело, согревая его. Она включила воду сильнее, повернув оба барашка на полную мощь, чтобы напор воды заглушил ее резкие судорожные всхлипы, перебил нервную дрожь тела. От сильного напора воды рыдания ее только усилились. Ей казалось, что хлещущие струи хотят ее высечь. Она стояла поникшая, и ревела навзрыд.

Год назад Артем вытащил ее из дортмундского борделя, куда она попала в двадцатилетнем возрасте, отправляясь в Германию на заработки и в поисках красивой жизни, а, в общем, по глупости и с отчаяния. Поначалу она неплохо устроилась в чужой стране и участвовала в подтанцовках у одной эстрадной примы, но, не поладив с ней, вскоре потеряла работу. С этого начались ее скитания, поденщина, работа в прачечной, официанткой в пиццерии и заработки на обратный билет. Но битой возвращаться ни хотелось. Однажды ей подфартило. Она получила место в ночном клубе. Был солидный номер в варьете и квартира за тысячу марок. Вскоре объявились эти парни-соотечественники, безжалостно обложили ее данью и вдобавок отняли документы. Комната за двести марок. Она делила свою убогую комнатку с одной латышкой, такой же неудачницей, как и она сама. По вечерам к латышке приходил добропорядочный сидящий бургер. Он угощал их пивом и ветчиной. Прибалтка ждала от него предложения руки и сердца, а основательный немец не торопился, взвешивал. Вскоре латышки не стало. Ее застрелили возле ночного клуба во время бандитской разборки. Застрелили по-глупому, случайно. Пуля срикошетила от бетонной стены и угодила ей под лопатку. Кэт снова осталась одна. Поначалу ее еще навещал бургер. Они пили пиво с

ветчиной и грустили по латышке. Были минуты, когда Кэт хотелось отдаться этому порядочному немцу из жалости к нему и к самой себе. Но немец, ни на что не намекал, а сама она не осмелилась предложить ему это. Вскоре и он исчез с ее горизонта. Вновь было обивание порогов в посольстве и поиски новой работы, тем более, что в ночном клубе ей урезали ставку, перевели в кордебалет, да и там угрожали подыскать замену. Отчаявшись, она уже готова была пойти на панель, когда ей повстречался Артем. Она ему показалась похожей на красивого, затравленного измученного зверька. Он вернул ее в страну, где она не была больше года и в которой еще долго, потом не могла почувствовать себя своей, обставил ее жизнь удобствами, обращался с ней как с королевой. Она в полной мере познала его щедрость и доброту и, как ей казалось — его любовь. Однажды, рассказывая ему о своем дортмундском периоде, она заметила, что он становится с ней удивительно нежным и чутким. На другой день после этого он осыпал ее подарками. Умом и сердцем она понимала, что обязана этими подарками жалости, которая словно подлая затаившаяся змея ужалила Артема в самое сердце. Что, что, но жалость к себе Кэт не могла переносить. Она закатила Артему жуткий скандал, устроила истерику. Он безропотно стерпел и простил. Кэт отнюдь не понаслышке

знала о его доброте, но ей и в голову не приходило, что этот влиятельный человек, перед которым многие трепетали, был очень раним и впечатлителен как ребенок. Артем, имевший в жизни немало женщин, познавший любовь за деньги и бесплатно, бескорыстно, в сущности, не знал любви. Вернее знал, но лишь одну ее разновидность: любовь-жалость. Он чувствовал жалость к своей несчастной жене, которой изменял с Кэт, и мучился от этого, к своей дочери, страдающей физическими недугами, к своей внучке, росшей в лицемерии и лжи, благодаря деду. Лишь одна строптивая Кэт не вызывала у него этого щемящего чувства, тем она и притягивала его, как и многим другим тоже.

Она стояла под душем. Дрожь унялась. Теплые струи воды распарили ее тело, оно размякло, так что она его почти не чувствовала, словно оно стало невесомым. Она выпрямила спину и подняла к смесителю голову, подставив лицо под хлещущую воду. Жизнь научила ее быть сильной, и эта сила возвращалась к ней. Она понимала, что период жизни с Артемом не мог длиться вечно, и как могла, старалась продлить это благоденствие. Артем был ей ниспослан как некий чудесный дар судьбы, как награда за все ее перенесенные лишения и муки. Любила ли она его, она и сама этого не знала. Но она не встречала на земле еще

человека более надежного, доброго, отзывчивого, который бы так заботился о ней. Год жизни с Артемом казался ей раем, сказкой, чудесным сном, от которого не хотелось пробуждаться. Тучи сгустились месяц назад, когда его жена ворвалась в офис и осыпала Кэт оскорблениями при всех сотрудниках. Кэт помнила, как она потом, закрывшись в уборной, умывалась слезами. После этого Артем был только с ней и не появлялся дома недели две. Она помнила и то, как потом его жена умоляла Кэт оставить Артема, просила не разрушать семью. Кэт наслаждалась мщением. Она не умела прощать. «Нет, я боролась за него до конца, как могла, — думала она, — мне не в чем себя упрекнуть. Я имела право быть с ним, и имела право жить такой жизнью. Я выстрадала это право. Не моя вина, что все так оборвалось». Внезапно она почувствовала себя не только сильной, но и счастливой. Счастливой оттого, что у нее был этот год.

3

Игорь Чагин имел упрямое волевое лицо, открытый лоб, колючий взгляд прищуренных недоверчивых глаз, кривой, очевидно, свернутый в неоднократных драках нос, багровый шрам на щеке. Словом, его внешний облик мало вязался с

должностью исполнительного директора солидной региональной компании «Урал-Алко». Все эти зловещие отметины на лице Игорь приобрел в лихой юности. Рос он в благополучной семье, но отнюдь не в благополучном, хулиганском, барачного типа, районе города, где любимыми забавами его сверстников были карты, вино, мордобой, а наиболее уважаемыми людьми — уголовники, отмотавшие ни один срок. В тринадцать лет Игорь верховодил шайкой местной, несовершеннолетней шпаны. По вечерам они «задирали» прохожих, чистили карманы пьяных, шмонали и избивали сверстников из «благополучных» высоток-домов соседского микрорайона. «Благополучные» обзывали их отбросами. «Барачные» мстили им за это. Отдельные из них, особо ущемленные социальным неравенством и своей второсортностью, отличались изощренной жестокостью. Они не знали пощады, не ведали сострадания, творили беспредел. Так одного парня они забили до смерти на школьном пустыре. Игорь тогда прошел по делу как свидетель, словом, отмазавшись. В шестнадцать лет он схлопотал свой первый срок за изнасилование. Девушка была старше его на четыре года, оказалась на поверку опытной, ушлой, в общем, знала дела. В поисках интимного уголка Игорь привел ее в новый, еще почти не заселенный дом и зажал у мусоропровода, полагая,

что это самое подходящее укромное местечко. Он прислонил даму к мусоропроводу, стал настойчиво ее целовать и стаскивать с нее одежду. Леди оскорбилась таким дискомфортом, нервно захохотала и с язвительной иронией заявила ему: «Может мне засунуть голову в люк, а все остальное оставить тебе?» Игорек не понял шутки и морали, разозлился, надавал ей пощечин, запихал ее голову в отверстие мусоропровода и силком овладел ею. Девушка вопила от неудобств, задыхалась нечистотами, а пылкий юноша, насилуя ее, ловил кайф. Утром она подала на него заявление в милицию. Через месяц подследственному впаяли шесть лет. Просто за изнасилование. Ему еще не инкриминировали излишества, извращения и отклонения. Так со сто семнадцатой «печальной» статьей он отправился на малолетку.

Когда в бане на помывке ему кинули к ногам кусок серого мыла и вафельное полотенце — Игорь лишь презрительно отшвырнул их ногой. Он был наслышан о подобных подвохах и вел себя осмотрительно. Но сто семнадцатая — есть сто семнадцатая, и когда он «заезжал» в камеру, то больше всего опасался, что бугор отряда поставит ему «минус» и что его тут же начнут бить все разом, сообща. К счастью, юный бугор отряда придерживался других принципов, более гуманных.

— Стой здесь, — рявкнул бугор, приказывая ему остановиться возле дальняка, то есть парашаи.

Игорь повиновался и затравленным взглядом оглядел барак. Десятка два наглых, ухмыляющихся лиц, лежа на шконках, пялились на него.

— Здравствуй, Маша, — сказал один из заключенных.

— Я не Маша, — возразил Игорь.

— Нет, ты Маша, — ласково произнес зек. — Машенька, Машутка.

Послышался дружный, оголтелый смех. Что больше всего поразило Игоря, так это то, что смех звучал хрипло, надсажено и походил на коллективный кашель. Бугор отряда сделал знак одному из своих шестерок проверить «Машу» на предмет подлинности, уж не выдает ли себя «Маша» за кого другого, не втирает ли уркам очки?

Нахальный малый азиатского типа, с узкими как щели глазами, развязной приבלатненной походкой приблизился к Игорю, обошел его вокруг и встал за его спиной.

— Слышь, бугор, а зад у него ничего, клевый, — весело заявил он.

— А ты сними с него штаны, проверим, — посоветовал бугор.

Едва азиат дотронулся рукой до штанов Игоря, как новичок молниеносно ударил его локтем

по носу, развернувшись, нанес второй удар и поверг его на пол, неподалеку от отхожего места.

Азиат стонал. Со шконок раздались крики. Кое-кто и вовсе повскакивал с них. Дескать, что за «непонятка» возникла, что это сто семнадцатая буреет? Бугор отряда рассудил иначе. Жестом римского императора он указал пальцем на одного из своих гладиаторов. Невысокого роста приземистый крепыш, слез со шконки, твердой нормальной походкой подошел к новичку и остановился от него шагах в трех.

— Какой цвет любишь? — спросил крепенький малец. — Красный, черный, а может голубенький?

— Черный, — без колебаний ответил Игорь.

— Ну, тогда держись. — Он набросился на него резко и очень эффектно. Эффект состоял в том, что дрался крепыш не стандартно. Он прятал голову вниз, не глядя на противника, наносил удары снизу вверх, один за другим. Игорь не мог приноровиться к такой тактике, отыскать противодействие и был зажат к стене. Закрывая лицо, голову и область сплетения руками он позволял бойцу молотить себя по животу, по почкам, не в силах ответить. От воплей и улюлюканья зрителей у Игоря звенело в ушах. Боли он почти не чувствовал, как это порой бывает в драках, но ему казалось, что его вот-вот размажут

по стенке. «Только бы не упасть возле параша», — внушал он себе. Когда его противник слегка выдохся, Игорь, собрав силы, вырвался и метнулся на простор от стены. В бараке послышался восторженный гул. Все хотели увидеть продолжение. Бойцы стояли друг против друга, выжидали и, тяжело дыша, глядели глаза в глаза. Когда приземистый крепыш как страус согнул голову и взметнул не глядя кулаки — Игорь только этого и ждал. Он отскочил, обошел его сбоку и нанес удар в затылок «незрячему», второй в ухо, третий в голову, четвертый, добивая падающего врага, в челюсть. Он настолько вошел в раж, что схватил крепыша за ворот его рубы и хотел «насадить» его лицом на свое колено.

— Сто-я-я-ть! — заорал бугор отряда.

На шконках притихли. Игорь, тяжело дыша и качаясь, как пьяный, отошел в сторону. Противник корчился от боли на полу. Бугор отряда подозвал к себе дерзкого новичка, встал со шконки и пожал ему руку. Прописка прошла великолепно.

Колония, эта маленькая жестокая страна, в которую попал Игорь, мало чем отличалась от той другой, из которой он прибыл, разве что более суровыми ограничениями, скученностью и теснотой огороженных колючим забором пространств. Законы были одни и те же. По крайней мере, для него. Он «зажил», постепенно

«поднимался», зарабатывал авторитет, чифирил, играл в карты и почти не работал. За него это делали другие. После суровой беспредельной малолетки он досиживал свой срок на «взрослой» зоне, где как он полагал, должны были сохраняться старые добрые джентльменские воровские понятия. Но он попал на красную, то есть «сучью» зону. В колонии заправлял «актив», а смотрящий зоны и его замы почти не вылезали из штрафного изолятора. В зоне Игорь прослыл как активный «отрицалово» и за отказ от работ стал частым гостем «шизо», но выстоял, не сломался. Было за шесть лет его отсидки ранение в живот заточенным напильником, бесконечная череда драк, три месяца карцера общей сложностью, рондоловые фиксы, вставленные вместо собственных выбитых и попорченных на тюремном климате и пище зубов. С таким наследием и скудным багажом воспоминаний Игорь откинулся с зоны. Он уносил с собой тысячу рублей в кармане, справку об освобождении и смутную, неясную тоску в груди по женщине и первой любви, которых он был лишен все эти годы. Вдохнув широкой грудью пьянящий воздух «перестроечной» свободы, он окунулся по уши в пленительное море «горбачевской» эпохи и, не найдя путеводный маяк и заветный островок, едва не пошел ко дну. Его опять потянуло в дом родной на казенные нары и

гарантированный харч. К счастью, дружки познаются в беде. Его бывшие кенты сколотили небольшое сообщество и промышляли «ломкой» чеков возле «березки», затем расширили сферу своей деятельности и занялись рэкетом на колхозном рынке. Игорь влился в их ряды и, найдя занятие по душе, ожил, приборахлился, пообтесался в новой среде, поменял рондольные фиксы на изумительный имплантант. Вскоре он стал бригадиром рэкетиров, приобрел репутацию крутого «ломщика» и «кидалы», оделся в смокинг и уселся в БМВ. Но вот беда, их «синюю» группировку с рынка стали вытеснять молодые бригады натренированных спортсменов-качков. Да и сам рынок в условиях массового обнищания населения девяностого года становился все менее рентабельным, дань мизерной, а умные дельцы, на зависть Игорю, с успехом стали продавать за рубеж цветные и редкоземельные металлы, «выламывались» из криминального подполья в мир большого бизнеса. Вчерашний уголовник Чагин ничего такого делать не умел. Один его весьма влиятельный знакомый, знавший Игорька еще по «малолетке», наблюдая за его скромными успехами, однажды, поморщившись, заявил ему: «Пора тебе, братец, серьезными делами заняться. Хватит тебе бегать в коротких штанишках. Ты уже вырос». Так Игорь стал его компаньоном по

закупке тюльпанов из Голландии и французских шампиньонов. Дела шли в гору. Бизнес процветал. Встав прочно на ноги, окрепнув, как следует, компаньоны занялись другим делом, самым прибыльным на Руси — торговлей водки. Сеть магазинов, которую они учредили, была реализатором продукции местного ликёрного завода, а под этой эгидой и левой продукции подпольных цехов по государственным сертификатам. Сертификаты — это была забота покровителя и компаньона Игоря. Сам же Игорек числился управляющим, решая хозяйственные, транспортные вопросы. Весьма хлопотливые. Их офис занимал первый этаж двухэтажного старинного особняка на тихой улочке «Полярников». В апартаментах второго этажа хозяйничала торговая компания «Кассандра», в которой заправлял Артем Штайнер, немец по рождению, юрист по образованию, делец по натуре. Двум директорам, исполнительному и генеральному, не удалось сойтись на короткую ногу. Образованный и интеллигентный сосед сверху пренебрегал общением с бывшим уголовником, у которого на лбу словно отпечаталось: семь классов. «Немчура», — злился на него в недавнем прошлом уголовный элемент, посылая, вслед косые, недоброжелательные взгляды. После рэкетирства и разъездов по

Амстердамам, бесконечных командировок, офисная, сидячая и респектабельная работа казалась Игорьку утомительной, нудной и малопривлекательной. Он чувствовал себя как корсар с мятежного фрегата, списанный на берег в тихую гавань. Его обставленный телефонами стол и финской мягкой мебелью кабинет с просторными зарешеченными окнами, выходящими на север, напоминал ему тюремный карцер былых лет, хоть и более комфортный. Чтобы избавиться от этой навязчивой, мрачной ассоциации, он потребовал у строителей переделать его кабинет на западный манер с прозрачными стеклянными стенками. «Пусть меня все видят, зато и я буду видеть хоть что-то», — рассуждал он. Его новый прозрачный, светлый кабинет граничил одной стенкой с коридором, по которому ходили сотрудники, сквозь другую стену была видна лестница на второй этаж, за перегородкой третьей стены сидела его личная секретарша, дама предпенсионного возраста, опытная, всезнающая, которую ему навязал один из учредителей. «Эту старую каргу нарочно мне посадили, чтобы за мной присматривала», — смекнул Игорь. Поразмыслив, он развернул стол и уселся спиной к своей мудрой секретарше. Там смотреть было не на что. Зато теперь прекрасно просматривалась лестница на второй этаж. У двух сотрудниц со второго этажа были обалденные ноги.

Когда они в коротких юбках порхали по ступенькам взад-вперед, Игорь задумывался о преимуществах прозрачного стеклянного кабинета. «Этот Штайнер умеет подбирать кадры, — позавидовал Игорь. — Надо отдать ему должное. Неплохо бы и мне принять молоденькую секретаршу. А то от этой старой клячи толку никакого. Одни огорчения».

Вскоре он узнал, что одну длинноногую с верхнего этажа зовут Гуля. Она была бухгалтером фирмы Штайнера. Другую, более приближенную к Штайнеру — Катя. Все звали ее Кэт. Своим недремлющим оком управляющий водочными магазинами замечал и подмечал, что эта Катя, то бишь Кэт, всякий раз в обед уезжала вместе с шефом и возвращалась с ним часа через два. Игорь не без причины заподозрил их в половых связях. «Этот Штайнер мужик не промах, — с завистью думал он. — А она? Что она нашла в этом старом козле?» Будучи по жизни низкорослым, Игорь обожал женщин выше его ростом. И Кэт и Гуля были именно такими. Но Кэт его волновала несравненно больше.

Может потому, что она подолгу отлучалась со своим боссом, а проходя мимо, даже не удосуживалась поглядеть на Игоря сквозь прозрачную стенку. Ее высокомерие и невнимание поражало и злило Игоря. Он находил в этом какой-то смутный, скрытый вызов для себя. За

высокий рост он прозвал ее стрелой, за темные волосы — черной кошкой. По весне отлучки «черной кошки» и ее похотливого самца стали длиться по два-три часа, а то и дольше. После совместных обедов «стрела» возвращалась утомленная, вялая, апатичная.

«Этот шницель совсем ее затрахал», — исходил злобой Игорь, провожая взглядом ее тугие ляжки, сверкающие из-под короткой юбки, длинные ноги, облаченные в черный кружевной капрон, лениво ступающие по ступенькам лестницы. «Оттраханная сука! Сексапильный кусок мяса! Вот ты кто!» — в бешенстве неистовствовал управляющий и задергивал шторы своего кабинета. После этого он не казал носа оттуда до самого вечера. Где-то к исходу марта, когда на голых ветках деревьев побежали первые побеги, мысли о Кэт стали занимать его все больше, все мучительнее и почти ежеминутно. Он уже не знал, ревнует ли он ее к старому хрычу, ненавидит или тут что-то другое. Когда она в начале апреля три дня не показывалась на работе — он весь изнервничался. Но стоило ей появиться, как при виде ее у него началась какая-то ломка. В его отношении к Кэт преобладало три настроения: обожание по утрам, когда она приходила свеженькая, выспавшаяся, приветливая; ненависть перед обедом; отвращение после него. И все-таки

обожание преобладало. Он поклялся себе завоевать ее и отбить у старпера.

В мае, когда Штайнер отбыл в командировку, Игорю представился подходящий шанс. Улучив момент, он остановил «стрелу» в коридоре и завел беседу о том о сем, перевел разговор на ее внешний вид, наговорил ей кучу любезностей, несколько бессвязно, с учетом своего скудного интеллекта, высказал девушке свое расположение. Смутившаяся «стрела» слушала его витиеватые речи внимательно, отвечала немногословно, мило кивала головой, улыбалась. Начало было положено. На другой день он развлек ее парочкой анекдотов. Девушка восхитительно смеялась. На третий день он намеревался ее проводить, а перед этим, подготавливая почву, сморозил сальный комплимент и выдал более чем прозрачный намек. Возмущенная его выходкой «стрела» грубо «отбрила» Игоря. Он ушел в свой застекленный кабинет не солоно хлебавши. Впервые в жизни он столкнулся с жестким отказом со стороны женщины, и его это как задело, так и взволновало. «Ничего, эта тигрица все равно будет моей», — тешил он себя. Она стала для него еще желанней. «Мы возьмем эту твердыню шаг за шагом, измором».

Он продолжал терпеливо ждать, мучительно отслеживая ее возобновившиеся отношения с

шефом. Отлучки или, как их Игорь называл, «случки» шли полным ходом, мало того, злопамятная «стрела», проходя мимо стеклянного кабинета, норовила поплотнее прижаться к Артему или взять его под руку. «Сука!» — сплевывал от злости Игорь. Она волновала его все больше и сильнее, и это становилось невыносимо. Чтобы хоть как-то досадить бесчувственной и жестокой «стреле», привлечь к себе ее внимание, Игорь решил заняться ее подругой Гулей. Бухгалтерша Гуля, черноглазая крашеная блондинка, обладавшая параметрами манекенщицы, казалась ему сговорчивой, уступчивой, а главное, была свободной. Совсем недавно у нее закончился непродолжительный роман с главным инженером фирмы. Это Игорь знал достоверно. Он приударил за Гулей. Гуля равнодушно принимала его незатейливые ухаживания, позволяла подвозить себя после работы на машине, но дальше этого дело не шло. Причина была проста — он ей не нравился. «Это стрела, наверняка, настропалаила ее против меня», — заподозрил Игорь, терзаясь сомнениями и догадками. Все свершилось в пятницу и как-то само собой. Он пригласил Гулю в бар. Они сидели в глубине уютного розового зала, тускло освещенного светом настенных бра. На их столике покоились высокие граненые бокалы с отсвечивающим янтарным цветом коктейлем. В

баре звучал какой-то плетущийся, убаюкивающий блюз. Гуля, благоухая французскими духами, томно и загадочно курила. Игорь предавался сладчайшим впечатлениям и мысленно кроил планы на ночь. Едва начавший устанавливаться плотный и доверительный контакт, эту идиллию нарушил один косо брошенный посторонний взгляд посетителя. Какой-то парень, проходя мимо их столика, бесцеремонно и вопросительно взглянул на Гулю и скверно улыбнулся уголками губ. Гуля смутилась. Она определенно знала его раньше. Пару минут Игорь наблюдал, как его дама пила кофе, упорно не поднимая глаз от стола. «Похоже, этот тип стоит за моей спиной и пялится на нее», — заподозрил Игорь.

— Ты его знаешь? — спросил Игорь.

— Кого? — рассеянно произнесла Гуля и с фальшивым недоумением заморгала глазами.

Игорь без колебаний поднялся и направился к стойке бара, где, как он и предполагал, отирался тот тип. Он подошел к нему, застав его со стаканом вина в руке.

— Как понимать этот взгляд? — поинтересовался ревнивец.

— Какой взгляд? — С убийственным хладнокровием спросил незнакомец. Он был молод, и выше Игоря ростом на пол головы.

— Этот?...

— А-а, — небрежно протянул незнакомец, словно что-то припоминая. — А в чем дело?

— Это моя женщина, — заявил Игорь.

— Да? Поздравляю. Тебе повезло. — Он усмехнулся, бесцеремонно поглядел на Гулю, перевел взгляд на Игоря, опять усмехнулся, поболтал в стакане жидкость, словно намеревался выплеснуть ее Игорю в лицо.

У Игоря от волнения задергался глаз, начался нервный тик. Старая зоновская привычка.

— Еще один такой взгляд и я тебе хачапури сделаю, — пригрозил Игорь, спутав значение слов: хачапури и харакири.

Незнакомец поглядел на него с возмутительным спокойствием.

— Слышь, хомячок, отвали. Пока я сам тебе что-нибудь не сделал.

Расчетливый в переделках бывший зек выждал ровно столько, пока ничего не заподозривший незнакомец не поднес стакан к губам. В это мгновение молниеносно и коварно сработал правый кулак Игоря. Стакан отлетел в сторону, голова незнакомца качнулась. Второй незамедлительный удар, еще более сокрушительный, Игорь нанес под вскрики посетителей и визг барменши. Третий прозвучал глухо. Четвертый был излишним. Незнакомец распластался над стойкой. Переполошенная Гуля

подбежала к Игорю и с охами и ахами потащила его прочь из бара. По пути он сунул десятку швейцару за ущерб заведению: один разбитый стакан.

В ту ночь Гуля заночевала у Игоря. В моменты крайнего возбуждения и наивысшего наслаждения она путала башкирские слова с русскими. Игорь находил это восхитительным.

Последующие несколько вечеров и ночей Игорь проводил в приятнейшем обществе Гули. Благодаря ее выдумкам и ненасытности в постели, а так же чудному лексикону он стал забывать о Кэт. Как обычно в полдень, когда «стрела» со своим шефом по традиции отбывала на совместный обед, Игорь лишь равнодушно усмехался, поглядывая сквозь стекло своего кабинета на несуразную похотливую парочку. Его острота чувств к Кэт притупилась. А жажду обладания «стрелой» он утолил в объятиях другой. Как позже выяснилось, ненадолго. Однажды под вечер Кэт заглянула к нему в кабинет и попросила степлер. «Наш куда-то задевался», — объяснила она. Игорь радушно предложил ей присесть и попить с ним кофейку. Она согласилась, уселась в кресло, и они мило поболтали минут пятнадцать. Кэт выразила сожаление по поводу их тогдашнего инцидента и своей несдержанности во время последнего разговора. Игорь смущенно разводил руками, предлагая ей об этом забыть. После ее визита он

почувствовал себя несколько странно, взбудоражено и какое-то время мечтательно смотрел на лестницу, по которой удалилась девушка. Затем он резко встал и закрыл фрамугу окна. Он сделал это для того, чтобы как можно дольше сохранить в кабинете, «законсервировать» запах ее духов, пахнущих ванилью, амброй и лимоном. Эта смесь ароматов кружила ему голову, приводила в смятения его чувства.

Ночью, лежа в постели с мягкой, доступной и податливой Гулей, он грезил о вновь ставшей желанной «стреле», мысленно представляя ее тело, дав вольный и широкий простор фантазии, он видел ее стройные сильные ноги, умопомрачительный живот розового цвета (так ему казалось пикантней), ангельский пупок, карие бутончики сосков, упругие удлиненные груди, обсосанные седым Артемом, ногти тигрицы, впивающиеся в спину старика, ее возгласы: «ох, а-ах, Артем...», и Игорь начинал стонать от злости и скрежетать зубами. Наивная и доверчивая Гуля принимала эти излияния и стоны на свой счет и еще шибче прижимала любовника к своему пухлому плечу.

День ото дня, с отчаяния Игорь запил. Как обычно, после работы он подвозил Гулю домой, ставил машину на стоянке и отправлялся в какой-нибудь бар. Нализавшись до чертиков, растворив тоску в водке, бодренький и веселый он

шел на ночлег к Гуле. Несчастливая бухгалтерша не могла взять в толк, что с ним происходит. Она то жалела, то бранила алкоголика. После его очередного пьяного захода и бесцеремонного ночного вторжения Гуля не выдержала и заявила, что с пьяным спать не будет. «Я не пил», — нагло возразил Игорь. Возмущившаяся его откровенной ложью, путая в минуты волнения значения и смысл слов, Гуля завопила: «Ню-фай, ню-фай!» (вместо: дыхни, дыхни!). Игоря покорило ее произношение, озлило вольное коверканье слов, да и сам тон задел. Эта тарабарщина, сорвавшаяся с уст Гули, неприятно резала слух, напрягала и без того взвинченные нервы Игоря. «Ну, на, нюф-фай». — Он дал ей ладошкой по носу и разозленный пошел прочь.

У Кэт к тому времени оборвался годичный роман с Артемом и, чтобы не мучить друг друга, она намеревалась уйти из фирмы. Артем уговорил ее остаться и попросил не горячиться. Кэт согласилась, но стала подыскивать себе другое место работы. Управляющий сетью вино-водочных магазинов, подметив охлаждения в отношении «стрелы» и босса, не преминул воспользоваться этим и незамедлительно приударил за Кэт. Не то чтобы Кэт с полнейшим безразличием относилась к молодому управляющему с отважной внешностью

и грубыми манерами; он ее чем-то даже притягивал, был любопытен, но еще больше отпугивал, и все-таки интриговал. Особенно после его романа с Гулей. Знаки внимания, которые он теперь стал оказывать Кэт, не стесняясь Гули и Штайнера — бесили ее, вгоняли в краску. Сломленная его настойчивостью и упрямством, она, наконец, стала принимать его ухаживания, но при этом просила не афишировать отношений. «Ситуация деликатная для четырех человек и поэтому действовать надо осторожно, умело», — поучала она ухажера. Кэт не позволяла ему провожать себя после работы, наотрез отказывалась садиться в его машину на глазах сотрудников и не сразу согласилась пойти с ним в кафе. В шумном прокуренном ночном клубе с романтическим и интригующим названием «От заката до рассвета», с грохочущей музыкой, зеркальной сценой, огнями-мигалками всевозможных расцветок и стриптиз-шоу Игорь немало пил и стал усиленно спаивать Кэт. Дело было на мази, шло к глубокой ночи и ему казалось, что с выпивкой так оно будет вернее. Они дегустировали коктейли, травили анекдоты, смеялись и почти не глядели на сцену. Захмелев, Игорь стал откровенным и неосторожно коснулся интимных тем. Он посмеялся над Штайнером и заметил, что раз в их особняке произошла такая рокировка, такой размен, то Штайнеру следовало

бы заняться Гулей. Кэт чуть не выплеснула ему в лицо «шартрез». Она не намеревалась обсуждать Артема, обиделась, хотела встать и уйти. Чтобы загладить неловкость и выразить всю глубину его чувств к ней, Игорь попросил Кэт прижечь ему ладонь дымящейся сигаретой. Кэт заупрямилась. Его желание показалось ей несколько странным, если не диким. Он настаивал. Она захохотала. «Туши», — твердо сказал он, мужественно подсовывая ей свою мясистую ладонь. Кэт помедлила и воткнула в нее окуроч; тот зашипел, пахнуло чем-то паленым, и вскоре все было кончено — сигарета потухла. Игорь вытерпел с мазохистским удовольствием и, улыбнувшись, поглядел на Кэт. Она вопросительно тарачилась на него.

— Считаю, что мы скрепили наши отношения клятвой верности, — заявил он и лизнул обожженное место.

Кэт удивленно посмотрела на экстремала.

— Эй, я ничего не скрепляла, — возмутилась гасительница окурочков.

В ту ночь они просидели в клубе до самого закрытия, а под утро она запросилась домой.

Спустя неделю Кэт отправили в заманчивую командировку на Кипр, для приобретения недвижимости в Лимасоле. Не было никакой

необходимости отправлять туда именно Кэт, но Артем, очевидно, хотел таким способом загладить перед ней свою вину за тот разрыв и дать ей возможность развеяться в теплых краях. Кэт с радостью согласилась. Игорь не находил себе места. Он чувствовал какой-то подвох, ревность не давала ему покоя, сводила с ума.

— Ни с кем никаких делов, ни с местными, ни с командировочными, — пригрозил он Кэт.

— Ну что ты, Игорек, какие дела? — улыбалась она.

Игорь подозрительно и сурово поглядел на нее.

— Тебе бы следовало на меня сшить пояс верности, — пошутила она.

Прошел месяц с того дня как он сводил ее в ночной клуб за вычетом десяти дней ее загранкомандировки, а Игорь не продвинулся ни на йоту в своих отношениях с Кэт, в своей ожидаемой телесной близости с девушкой. На все его попытки и ухищрения заночевать у него она отвечала отказом, ссылаясь то на недомогание, то на простуду. «Это не смешно», — жаловался Игорь. «Это не современно», — злился он. «Потерпи, Игорек, как-нибудь...» — уклончиво заверяла она. Он ждал и верил, что это событие свершится теперь уже очень скоро, в ее день рождения, расходы по которому он щедро намеревался взять на себя.

«Моя победа достанется мне мягко, трепетно, без потрясений, — думал он. — А может, наоборот, с потрясением?» От этих сладостных мыслей у него волновалась кровь, пробегала нервная, но приятная дрожь по телу.

4

— Эх, надо было пригласить на пикник наших архитекторов, — сказала Кэт, задорно блеснув глазами, — а то они бедные там совсем запарились. Все в лесу, да в лесу.

— Каких еще архитекторов? — недоуменно спросила светловолосая девушка.

— Так, вспомнила... Они, наверное, там, в лесу совсем одичали.

— Кэт, не валяй дурака, — сказала светловолосая, — здесь и так трое мужчин. Тебе что, мало?

— Кэт, ты что связалась с архитекторами? — строго спросил Игорь. — Не потерплю.

— Ну что ты, Игорек, я верна тебе до гроба, — ответила Кэт, лукаво улыбнувшись ему.

— Архитекторы?! — усмехнулся рыжеволосый юноша, на вид самый молодой в компании. — Батраки, что пашут на твоего Штайнера. Батрачат!

— А ты бы Лелик заткнулся, — посоветовала Кэт.

Дверь настежь распахнулась, и в павильон вошел бородатый мужчина с печальными черными глазами. Войдя, он закрыл за собой дверь на засов.

— Ну, Марк, что творится на белом свете? — спросил Игорь. — Как поживает народ?

— Ужас. Народ, большей частью, пьян в дупель. Того и гляди, наш сарай разнесут в щепки.

— Срочно жарим плов, сжираем и сматываемся отсюда, — заявил Лелик.

Компания из шести молодых людей откупила на один день небольшой павильон-закусочную в самом центре города, неподалеку от набережной. Молодежь отпустила обслугу и поваров, решила сама хозяйничать в заведении. Поводом для пирушки послужил день рождения Кэт, который совпал с днем молодежи, шумно и празднично отмечаемым горожанами. Гул и музыка проникали в павильон сливающимся шумом. Кэт не покидало тревожное чувство, будто она с компанией находится не на пирушке в милом, уютном павильончике, а на островке среди беспокойного бушующего океана, который их вот-вот поглотит, захлестнет, сметет. Ей казалось, что место для вечеринки выбрано неудачно, и она молча злилась на Игоря, организовавшего этот кутеж. «Надо же было выбрать такую хибару, да еще в таком месте.

Как на вокзале», — огорчалась она. Несмотря на торжество в ее честь, Кэт выглядела весьма легкомысленно, словно ее день рождения был для нее самым заурядным днем. На ней были узкие в обтяжку спортивные розовые шорты, сиреневая кофта с блестками и черные босоножки. Бросалась в глаза бордовая татуировка с изображением снежинки на лодыжке левой ноги.

Вместе с Кэт в павильоне находилось еще пять человек. Ее подруга Алена — девушка с густыми волосами цвета спелой пшеницы, большими серо-голубыми глазами, пухлыми губами и широкоскулым лицом. Третья молодая дама в коричневом безрукавном платье являла взору утомленное, равнодушное лицо. Ее темно-серые глаза вяло и апатично смотрели так, будто она пришла на вечеринку после мучительной бессонницы или нелегкого ночного дежурства. Тонкие губы были накрашены броской алой помадой, что придавало ее бледному, уставшему лицу дерзкое выражение.

Самым старшим в компании был Марк, одетый скромно и непритязательно, в клетчатую рубашку и потертые джинсы. Его сутулая худощавая фигура и суетливые, чуточку рассеянные движения производили впечатление какой-то мужской незащищенности и уязвимости. Открытое, умное, интеллигентное лицо обрамляла

густая колючая борода. Темные выразительные глаза бегло скользили по павильону и всем присутствующим в нем. Быть может, это его профессия скульптора, все время ищущего чего-то, беспокойного художника, истерзанного сомнениями, накладывала мрачный отпечаток на его лицо. Ранние седины колючей проволокой топорщились на его усах и бороде, серебрились в густой черной шевелюре. Говорил он тихо, слегка картавя, и постоянно усмехался, словно своей циничной усмешкой старался сгладить, нивелировать, оттенить изъян произношения. Хотя он и был старше других, в его облике, манерах проглядывало что-то от неуверенного в себе человека. Его скульптуры нигде не выставлялись и не украшали ни одну достопримечательность города. Чтобы иметь пусть скромный, но зато гарантированный заработок, он стал работать в студии при архитектурном институте, ваяя скульптуры студентов-натурщиков и наглядно обучая их этому ремеслу. Также он занимался и литературной деятельностью. Марк писал эссе, прозу, стихи. На этом поприще он достиг куда большего. Одно из его произведений увидело свет, и было выпущено в суперобложке тиражом в двадцать тысяч экземпляров. Роман назывался «Убить ворона». Это было «черное» произведение, «крутой» детектив, обильно нашпигованный

убийствами и преступлениями. Марк залил кровью страницы своего романа, убийства преподнес на любой вкус: случайные, загадочные, в целях самообороны, в состоянии аффекта, зверские, изуверские с отягчающими обстоятельствами... Книга имела успех, автор получил приличный гонорар, но все это мало удовлетворяло Марка. Литературу он считал лишь своей побочной деятельностью, а скульптуру основной, главной, делом его жизни. Ему хотелось прославиться не в «болтовне» литературы, которую он считал не иначе как недостатком выдержки, а в создании немых, застывших изваяний. На полученный от продажи книги гонорар он приобрел свою собственную мастерскую, а один из экземпляров с автографом и наилучшими пожеланиями автора подарил Кэт. Она прочла роман два раза. В первый раз повествование увлекло ее, так что она забыла обо всем на свете. Но, читая по второму кругу вдумчиво и беспристрастно, она призадумалась и насторожилась. Смутная догадка терзала ее мозг. «К чему столько насилия, крови? Зачем так жестоко мучить порождения собственной фантазии? — гадала она. — Быть может, это глубоко скрытое, нереализованное в жизни желание или склонность Марка причинять людям боль, мучить их, наслаждаться этим проявилась в литературной форме и вылилась на страницах его романа? Скорее